

# Евгений-Володя

\*\*\*

— Старший сержант Мазуров!

— Я!

— Сержант Травкин!

— Я!

— Сержант Зотченко!

— Я!

— Сержант Матзагиров!

— Я!

— Рядовой Сапрунов!

— Я!

— Рядовой Ханкаев!

— Я!

— Выйти из строя!

Командир второго взвода второй роты старший лейтенант Санталов, в шинели и фуражке, единственный среди офицеров танкового батальона, не полностью перешедший на зимнюю форму одежды, громко и отрывисто зачитал приказ начальника штаба полка о том, что первая группа увольняющихся в запас должна через час прибыть к контрольно-пропускному пункту с вещами.

Построение танкового батальона проходило на спортивной площадке недалеко от двух одноэтажных казарм,

где жили танкисты. Необычно холодный ноябрь 1978 года жал под минус двадцать, и комвзвода то и дело, читая приказ, потирал кончики ушей большим и указательным пальцами.

— Так вот, товарищи дембеля, сопровождающим до самого эшелона у вас буду я, — сказал он выстроившейся перед ним счастливой шестёрке — четырём командирам танков и двум наводчикам орудий. — У меня не забалуете. Документы ваши лично передам в Борзе, перед посадкой в эшелон, сопровождающим вас дальше офицерам из дивизии.

Санталова, засидевшегося в должности взводного и с лета ожидавшего приказа о присвоении очередного воинского звания, весь батальон знал как самого строгого офицера, не дававшего спуску ни молодым, ни «старикам». Наверное, было бы лучше, если увольняющихся в запас танкистов сопровождал бы кто-то другой из офицеров батальона, но, по большому счёту, теперь им было всё равно.

Они ехали домой!

Они возвращались к родителям, братьям, сёстрам, друзьям. Они возвращались к гражданской жизни! И пусть их сопровождает сегодня хоть сам командир полка, хоть замполит дивизии! Они согласны. Главное — служба подошла к концу, приказ об увольнении подписан, два года в БТВ стали историей, служба в армии — прошедшим этапом в жизни каждого из них.

Домой!

Едва последовала команда разойтись и дембеля батальона, не попавшие на первый эшелон, кто с явной завистью в глазах, кто с улыбкой на лице, пожимая руки отъезжающим, стали говорить напутственные короткие речи, Юрка Матзагир потянул Володю за рукав шинели:

— Бежим в каптёрку, пока Колесник тут с Санталовым якшается, заберём свои шмотки.

— А как мы туда попадём? — спросил Володя. — Он же на ключ дверь всегда закрывает...

— Да я уже месяц как ключ подобрал, — настойчиво подтолкнул земляка Матзагир. — Бежим скорее, пока он ворон ловит.

Они быстро заскочили на невысокое, в шесть ступенек, крыльцо казармы, прошмыгнули в дверь и, пробежав мимо поста дневального, направились к каптёрке.

Юркин ключ без труда справился с замком, и сержант, влетев в каптёрку, первым делом бросился к вешалке, где висели приготовленные для поездки домой их новенькие шинели и кителя. Володя последовал за ним, снял свою шинель, взял портфель, купленный ещё летом в посёлке, когда ходили они с Матзагиром в патруль вместе с молодым лейтенантом Косяковым.

— Шлемофоны будешь брать? — неожиданно спросил земляк.

— Какие шлемофоны? — не понял Володя.

Юрка откинул несколько вещмешков в углу под вешалкой и раскрыл большой картонный ящик.

— Вот видишь, Колесник, старшина-то наш, штук десять новеньких зимних шлемофонов грабанул по случаю. А я видел, как они с Демидом их в распоряжение роты принесли. Колесник Демида старшиной роты за себя оставляет и каптёром по совместительству. А тот из благодарности молчать будет, и все проделки его шитыми-крытыми останутся. Он позавчера чуть ли не при мне Махамбету из управления батальона предлагал купить один шлемак за двадцатьпятку. Понял, какой жучара наш старшина? Таких наказывать точно надо. Возьмём по парочке. А если он и хватится, то шум поднимать не станет. А может, сразу и не хватится. А мы через час уже тю-тю. Как будто никогда нас тут и не было. Берём?

— А если спалимся при досмотре на КПП или перед посадкой в эшелон? Тогда не домой поедем, а сам знаешь куда... Да и зачем они мне, шлемофоны? Я же по городу на гражданке в шлемофоне ходить не буду...

— Ну как хочешь, а я возьму. Они тёплые. На мотоцикле и зимой можно в них по посёлку рассекать. И каски не надо. Один дядьке отдам. Он охотник-промысловик. Наденет в тайгу вместо шапки, будет волков и рысей пугать.

— И медведей-шатунов, что в спячку не залегли,— добавил Володя.

Матзагир негромко засмеялся, спешно затолкал в портфель два шлемофона, затем, оценив, сколько места они заняли, прихватил ещё один.

— Я всё равно с чемоданом поеду. Он у меня большой — семейный. Портфель положу прямо в него, а там, возле

эшелона, чуть что, шмоном запахнет, выброшу портфель вместе со шлемаками, чтобы не спалиться, — пояснил приятель.

Юрка застегнул портфель. Взял шинель и китель.

— Ну, ты своё всё забрал? — спросил он.

— Да, всё, — Володя оглянулся. — А что ещё?

— Тогда пора уходить, пока Колесник нас не накрыл, — сказал деловитым тоном сержант.

Они быстро вышли из каптёрки, и Юрка прихлопнул дверь. Английский замок щёлкнул. На звук его обернулся стоявший возле тумбочки дневальный Тагаев.

— Тагаев, если скажешь старшине, что мы заходили в каптёрку, я тебя тут же возле тумбочки застрелю из пистолета Макарова, понял? — пригрозил сержант рядовому.

— Поняль, — сказал малыш Тагаев, смягчая окончание слова и шевеля растопыренными, как у Чебурашки, ушами, на которых висела не по размеру большая шапка.

— Хорошо, что поняль, — сказал своему экипажнику, заряжающему орудия, командир танка. — Не посмотрю, что дома меня ждут старушка-мать и сестра-красавица, отрежу тебе уши и пристрелю.

Тагаев попытался улыбнуться, открыл рот и показал верхний ряд своих мелких реденьких зубов.

— Вот так-то! Служи, сынок, а дедушка домой поедет.

Володя зашёл в своё расположение, пошёл к своей кровати, открыл тумбочку, сложил в портфель ещё неделю назад приготовленные им зубную щётку, пасту, крем для обуви, пару новых носков. Затем снял шинель, хэбэшку и нижнее бельё, облачился в рубашку с галстуком, под военные брюки надел штаны-трико, накинул китель со значками «Отличник Советской Армии», «Воин-спортсмен» второго разряда, синим солдатским значком второго класса. Эти знаки висели на его кителе в ряд справа, а слева красовалась новенькая «Гвардия», полученная из рук замполита батальона капитана Терёбова.

— Давай я тебе знак первого класса дам, — предложил Матзагир, успевший переодеться раньше и подошедший к приятелю с первоклассными знаками отличия. — И «Воин-спортсмена» надень первый разряд.

— Да ладно! — отмахнулся Володя. — Кому там всё это на гражданке надо? Там никто ничего не понимает в этом.

— Те, кто раньше нас отслужили, понимают, — настаивал Юрка, — да и остальные, кто и не служил, и женщины даже, и девчонки, сразу поймут, что первый разряд лучше, чем второй.

— Ты сержант, вот у тебя и пусть будет всё перворазрядное, а я рядовой: чистые погоны — чистая совесть, мне и второй разряд сойдёт...

— Ну, как хочешь, а я лишние значки в эшелоне кому-нибудь загоню или обменяю на что-нибудь полезное.

Казарма к тому времени стала заполняться вернувшимися после построения сослуживцами. Некоторые подходили к ним и говорили новые напутствия, большинство из которых было связано с выпивкой и девчонками. Одни предлагали им во время застолья всегда пить за тех, кто на посту, другие советовали совсем не пить, третьи — не жениться сразу и даже с любимыми, ожидавшими их девчонками первое время быть поосторожнее, присмотреться к ним (мало ли что за два года было там, на гражданке), и только убедившись в их верности, принимать решение: идти в загс или подождать.

Володя сразу вспомнил о Кате — двоюродной сестре Юрки, с которой он переписывался восемь последних месяцев службы, её красивых длинных волосах и глазах с большими ресницами на фотографии. «В жизни она ещё красивее», — говорил ему земляк Юрка, способствовавший их заочному знакомству и переписке. И Володя иногда думал: «Ну как тут устоять, не растаять перед такой красавицей?» Он тоже пытался способствовать заочному знакомству и переписке между приятелем и своей двоюродной сестрой Ольгой, но после двух-трёх писем переписка их захлебнулась, и теперь Володя чувствовал себя несколько виноватым перед земляком-приятелем. Виноватым чувствовал он себя и перед Катей, потому что не поставил её в известность, что подал документы на подготовительное отделение исторического факультета Иркутского госуниверситета и что первого декабря его ждёт собеседование в городе на Ангаре, где и жила его двоюродная сестра Ольга. Катя, закончив торговое училище, работала теперь в леспромхозовском магазине в посёлке, где жил Юрка, и Володя должен был за две недели, вернувшись домой, успеть не только подготовиться к собеседованию, но и побывать в дальнем леспромхозовском посёлке и отметить

с друзьями по школе, тоже вернувшимися этой осенью из армии, встречу в лучшем ресторане города.

— Ну что, дембеля, надели кителя? — голос старшего лейтенанта Санталова вывел Володю из раздумий. — Если готовы — на выход!

На выходе из казармы уже стояли в шинелях, новеньких шапках и с дембельскими чемоданчиками и портфелями Зотченко, Мазуров, Ханкаев и Травкин. Санталов по-прежнему был в повседневной шинели и фуражке. В руках он держал портфель-дипломат.

— Выходим! — скомандовал старлей и сам первый шагнул в дверь на двадцатиградусный мороз.

Остающиеся в казарме солдаты и сержанты по очереди пожимали уходящим навсегда руки и выкрикивали новые напутствия:

— Вовка, Сапрунов! Стань режиссёром,ними киношку про армию!

— Юраха, Матзагир! Будешь моряком — привези из загранплавания кокосов и маленькую кенгуру!

— Мазур, когда вырвешься в министры в своей Калмыкии, не забудь нас пригласить в правительственный загородный коттедж!

Травкину желали стать главным охотоведом, Ханкаеву — трактористом-ударником в родном его совхозе, Зотченко — почему-то милиционером. Уходящие навсегда из этой казармы кивали и говорили все одно:

— Ладно, ладно, ладно...

Уже на выходе Володя окликнул дежурного по роте:

— Жунусов! Выгони кого-нибудь с веником на крыльцо. Пусть следы заметёт.

— Понял! — быстро отозвался Жунусов и дал команду дневальному: — Тагаев, возьми щётку в умывальнике.

Володя вышел на улицу последним. Увольняемые уже выстроились в колонну по двое. Он встал рядом с замыкающим Ханкаевым.

— Так, все шестеро? — проверил ещё раз Санталов. — Ну что, проведу вас в последний раз по полку.

Дверь казармы хлопнула ещё раз. На крыльцо выскочил Тагаев с щёткой на длинной ручке и начал быстро подметать.

— Ну вы, друзья, и даёте! — ухмыльнулся старший лейтенант, глядя на дневального. — Я тоже уезжать отсюда буду — попрошу, чтобы и за мной следы замели.

Старлей дал команду, и они прошли. Сначала вдоль казармы, потом свернули по направлению к контрольно-пропускному пункту. На повороте Володя чуть сбавил шаг, глянул на длинное белое здание, служившее ему кровом полтора года. Он понимал, что видит его в последний раз в своей жизни. На крыльце стояли Жунусов и Тагаев. Жунусов помахал рукой. Володя в ответ поднял левую руку.

«Их я тоже вижу, наверное, в последний раз в жизни, — подумал он. — Один из Казахстана, второй из Киргизии. Навряд ли судьба сведёт нас когда-нибудь снова...»

\*\*\*

Белая, подновлённая за лето снаружи казарма, и белое крыльцо, и стоящие на нём Жунусов с Тагаевым вдруг поплыли сначала влево, а потом вверх. Поплыла асфальтовая дорожка с притоптанным снегом на ней. Растаял впереди идущий старший лейтенант Санталов, закачался строй счастливых дембелей, и Юрка Матзагир, и Травкин, и Мазуров, и Зотченко с Ханкаевым растворялись и исчезали прямо на глазах.

«Что со мной? Что? Куда они?» — испугался Володя.

Строй пропал, а перед глазами возникли вдруг зелёные ворота контрольно-пропускного пункта с большими красными звёздами на створах. Створы раскрылись, и густая темнота стремительно помчалась на него.

Несильный мелкий дождик освежал лицо — лоб, щёки, подбородок. Евгений попробовал поднять правую руку, лежавшую у него на груди. Но небольшое движение отдавалось болью по всему телу. Левая рука была за спиной. Он понял, что лежит на ней, подогнув ноги. Попытка разогнуть колени отозвалось уколом в пояснице.

«Неужели я и ноги, и руки повывихнул? — пришла в голову страшная мысль. — Не дай Бог, повредил ещё и поясницу...»

Память вернулась сразу: вагон, проводница, вокзал, Антонов со сворой ментов, перестрелка в поезде и прыжок под откос.

Было темно, но он разглядел внизу, метрах в десяти-двенадцати, мокрую от дождя дорогу. «Видимо, Московский тракт», — вспомнилась ему география родных мест. За дорогой чернели кусты и журчала вода.

«Речушка... Туда не надо. Там вокруг болотистая местность. Кочки. Если они уже бросились на поиски, то первым делом поедут по тракту и начнут прочёсывать низину. Надо ползти наверх, за железной дорогой кладбище. С города туда ментам напрямую не проехать: только через переезд, потом вдоль отходящей от Транссиба Абаканской ветки, после им придётся спуститься вниз по дороге, и только потом смогут заехать на кладбище. Если успею добраться наверх и спуститься вниз с откоса, то можно попытаться пройти через кладбище, выйти к дороге на Абакан и зацепиться за проходящий там по однопутке на низкой скорости товарняк».

Евгений глянул наверх. Ползти предстояло метров пятнадцать по острой, грубой щебёнке. Он попробовал повернуться сначала на бок, потом на живот. Боль в пояснице была нечеловеческой, но он стерпел и, преодолевая её, попробовал ползти. Попытка оказалась неудачной. Щебёнка под ним зашевелилась и поехала. Евгению показалось, что он тоже скатился вниз вместе с камнями на полметра, а то и больше. Он потянул правую руку вверх и снова сделал попытку подтянуться, но камушки предательски катились на него.

«Каюк! Скоро милицейский наряд будет здесь. С собаками и автоматами. Возьмут тёпленького, на этом вот откосе, у тракта, где в детстве грибочки, маслята с боровичками, собирал».

От негодования и бессилия он начал шевелить пальцами обеих рук, разводя руки в стороны. Правая рука неожиданно коснулась чего-то холодного и мокрого. Евгений на ощупь определил, что это холодное и мокрое — тонкое и металлическое. Повернул лицо. В темноте различить было сложно, но он догадался, что это проволока, тянувшаяся то ли сверху вниз, то ли снизу к железной дороге. «Заземление какое-то, что ли? — подумал он. — А если она под напряжением? Нет, если бы под напряжением была, то шаркнуло бы уже. Надо цепляться за неё и подтягиваться».

Евгений потянул на себя проволоку. Она не поддалась, осталась на месте. Он подтянулся к ней. С трудом уцепился

второй рукой. Потом, перебирая её, словно канат, попробовал потянуть тело вверх. Помогая ногами, он сделал первую удачную подтяжку.

«Пять сантиметров, наверное, есть, — отметил он. — Таким темпами как раз к утру до путей доползу, а потом ещё через рельсы и шпалы час-полтора переползать буду... Если проходящий поезд не отрежет голову, то к обеду доберусь до кладбища. Только вот дадут ли мне товарищи милиционеры время на такое путешествие?»

Думая об этом, он ещё раз перехватил проволоку и подтянул ноги. На этот раз, как ему показалось, он уже точно поднялся немного вверх.

На душе сразу полегчало. И он попробовал улыбнуться. Надо же, воинская часть вдруг как наяву увиделась... Казарма... Армейские друзья... Правда, другом можно назвать из всех, кто пригрезился ему, только земляка Юрку Матзагира, остальные — просто сослуживцы.

Евгению вдруг захотелось, так захотелось увидеть снова всех их, тех молодых парней, увольняющихся в запас из Советской Армии в ноябре 1978 года, обнять каждого и сказать: «Ребята, мы сейчас, вот в это время, в эти часы и минуты, самые счастливые на свете люди! Давайте сэкономим эти минуты и мгновения. Они не повторятся больше никогда!»

Поняли бы тогда они, те молодые двадцатилетние парни, два года проведшие вдали от родного дома, в полном смысле его слова? Понял ли бы он сам, если бы ему кто-то сказал так? Наверяд ли. Все они в то время, в тот день, в те часы были убеждены, что жизнь для них только сейчас и начинается, всё худшее позади, а впереди только лучшее.

\*\*\*

Возле контрольно-пропускного пункта собралось двадцать восемь человек из тридцати, назначенных приказом на первый дембельский эшелон.

— Один в санчасти застрял, видно, домой уже не хочет, — пояснил Санталову дежурный по полку командир артдивизиона капитан Смирнов. — А ещё одного замполит полка лично отпустил вчера. Выдал ему документы, а патруль наш его на автобус рейсовый посадил. Отправили и

помахали. Видимо, чтоб не вернулся. У него что-то дома там. В общем, попросил, чтобы по семейным делам его раньше отпустили. Но, думаю, соврал, он штабной был писаришка. Выслужился перед замполитом, видать.

— Да и Бог с ним! — махнул Санталов. — Мне меньше мороки.

Среди первых увольняющихся из части танкисты приветствовали Толика Камаева, окончившего с ними танковую учебку, но по прибытии в полк почему-то направленного в артдивизион, в отдельный зенитный взвод.

— А Лёха Кисель, мой земляк, на потом остался? — спросил Толик танкистов.

— Да, на потом, — ответил ему Юрка. — Многих на потом. Это нам повезло.

— Повезло! — улыбнулся письмоносец Кривцов, штабист, два года ходивший рядовым, а теперь, к удивлению всех, надевший сержантские погоны. — Повезло нам. Мы — первые!

— Можно и так сказать... — отреагировал на его слова Матзагир.

Камай оказался единственным из артдивизиона, записанным на первый эшелон. Кроме штабиста-письмоносца, трое увольняемых представляли разведроту, двое — автороту, остальные были из мотострелковых батальонов. Танкисты и зенитчик Камаев хоть не один раз видели их на общем построении в полку, но по фамилиям и именам не знали никого.

— В две шеренги становись! — скомандовал дежурный по полку, заметив приближающихся к КПП замполита полка подполковника Жирненко и начальника полкового штаба майора Мацука.

Увольняющиеся в запас выстроились в два ряда на дорожке, идущей от ворот контрольно-пропускного пункта.

— Равняйся! Смирно! — скомандовал капитан Смирнов и, повернувшись к подошедшим замполиту и начштаба, взял под козырёк.

— Товарищ подполковник, — обратился дежурный по полку к Жирненко как старшему по званию и должности. — Группа военнослужащих, увольняемых в запас и отбывающих к эшелону, построена. По списку тридцать человек, по факту — двадцать восемь. Докладывает дежурный по полку капитан Смирнов!

— Да я в курсе, что их двадцать восемь, капитан, — тоже взяв под козырёк, сказал подполковник и скомандовал: — Вольно!

— Вольно! — повернулся к уволенным в запас дежурный капитан.

— Ну что, братцы, дождались? — спросил подомашнему их замполит, подойдя близко к строю. — Никто на сверхсрочную не хочет?

Отбывающие на эшелон молчали.

— Да, вижу, не хочет никто, — улыбнулся подполковник. — Ну ладно. Смотрите там, на гражданке, держите марку гвардейцев и помните: вы остаётесь воинами. Только пока будете в запасе. Ну а если что, тогда по первому зову Родины — к боевым машинам. Понятно?

— Так точно... — ответили несмело несколько человек из мотострелковых батальонов.

Замполит довольно кивнул.

— А оружие или боеприпасы никто из вас с собой не прихватил? — спросил то ли строго, то ли шутя начальник штаба. — Санталов, ты своих проверял?

— Так точно, проверял! — отозвался, сопровождающий старлей, стоявший недалеко от дежурного по части.

Юрка толкнул Володю:

— Молодец Санталов! Соврал замполиту. Можно сказать, отмазал нас!

— Рано радуешься, ещё в эшелон пройти надо, — тихо сказал другу Володя.

— Может, и там пронесёт. Кому хочется в такой радостный день настроение друг другу портить?

— Это для нас праздник, а для офицеров обыденный день.

— Да не скажи! Лучше дембелей сопровождать к эшелону, чем в полку тут болтаться на глазах начальства, — заметил Юрка. — А сегодня действительно знаменательный день. Десятое ноября тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, пятница.

— День милиции, — напомнил ему Володя.

— Да, надо же, в День милиции увольняемся, — улыбнулся Юрка. — Это знаменательно. Помнишь, нас же десятого ноября, ровно два года назад, увозили с тайшетградского вокзала?

— Ещё бы не помнить...

Володя хорошо помнил, тот солнечно-морозный день десятого ноября 1976 года.

Была среда. Он, уже остриженный наголо, почти не спал свою последнюю ночь на гражданке. Встал около семи. Мать, видимо, тоже не спала. В сковородке жарилась яичница с колбасой. К девяти часам он, мать и две сестры поехали в военкомат. В походной сумке его было немного поклажи: полотенце, мыло, щётка, зубная паста, небольшой кулёк конфет, булка белого хлеба и около килограмма сала с прослойкой, как он любил. Мать специально принесла сало накануне и завернула ему в полиэтиленовый пакет. Она предлагала Володе взять с собой ещё на запас тёплые вещи, шерстяные носки, но он отмахнулся:

— Там всё равно заберут и выдадут форму.

В военкомате собрались двенадцать человек, призванных на этот день. Володя никого из них не знал. Местные были из другой половины города, а семеро призывников приехали из сёл и деревень района.

Их выстроили в одну шеренгу в коридоре военкомата, провели переключку. Затем капитан и майор вывели призывников на улицу. За призываемыми в армию последовали их родственники, числом превосходившие новобранцев как минимум раза в три. Пока шла переключка, родственники захватили все стулья и скамейки в коридоре военкомата. Тем, кто помоложе, мест не досталось, и они крутились возле строя и мешали делать переключку.

У крыльца военкомата призывников построили в колонну по двое, и капитан сообщил, что до вокзала они пойдут пешком. Родственнички шумной гурьбой последовали за строем. Вначале они все шли сзади, изредка выкрикивая своих, но на повороте с улицы Горького на Транспортную самые бойкие из родных вклинились в строй и пошли рядом с новобранцами. Майор вначале пытался одёрнуть подвыпивших отцов, братьев и друзей молодых солдат, но, осознав тщетность своих усилий, успокоился и пошёл рядом с капитаном впереди распавшегося строя.

На вокзале они узнали, что едут не воинским эшелоном, а обыкновенным пассажирским поездом, в плацкартном вагоне. На перроне их ещё раз построили, провели новую

переключку, а потом отпустили на полчаса к родственникам. До прибытия поезда.

На вокзал пришёл и Володин дядька — брат покойного отца Виктор. Он работал слесарем на мясокомбинате и принёс племяннику полпалки докторской колбасы.

— До Иркутска полдня ещё и ночь ехать будете — проголодаетесь, — пояснил дядька, заталкивая колбасу в сумку племянника, не беря в расчёт, что у того есть сало.

— И сало съедите, и колбасу. Вон вас сколько, архаровцев, едет...

«Архаровцев» пригласили по громкой вокзальной связи на перрон, когда подошёл поезд. Снова построили.

— Ваши два последних плацкарта и четыре боковых места, — объяснил майор. — С вами поедет сопровождающим капитан Попов. Но у него билет в другой вагон, поэтому вас разместит и пойдёт к себе. А вы, я надеюсь, люди самостоятельные и сами вполне за себя ответить можете.

— Так точно! — крикнул из строя стоящий левее всех парень в синей болоньевой куртке, с обвязанным вокруг шеи красным шарфом.

— Молодец! — похвалил его майор. — Как фамилия?

— Призывник Кухарук! — снова бойко ответил парень.

— Назначаешься старшим группы, — сказал ему майор, — в течение поездки будешь докладывать капитану Попову, как обстоят дела. Ясно, призывник Кухарук?

— Так точно, товарищ майор! — снова отозвался бойкий призывник.

— Ну и отлично, — сказал майор уже капитану, — вот с этого бойца и спрашивай за всех!

— Есть, — отдал честь капитан.

В вагон их посадили сразу, как только проводники открыли двери. Поезд стоял ещё минут двадцать, и всё это время призывники, прильнув к окнам, махали руками родственникам, а родственники им.

Володе и упитанному смуглому пареньку достались боковые места возле двери.

— Юрка! — представился паренёк, когда Володя назвал своё имя. — Ты где спать любишь — наверху или внизу?

— Да мне всё равно.

— И мне всё равно. Давай тогда я наверх полезу, а ты уже внизу будь, — предложил парень.

— Давай.

Так Володя познакомился с Юркой Матзагировым — татарин из леспромхозовского посёлка, с которым они прослужили все два года.

Они спали рядом на деревянных нарах в призывном сортировочном пункте в Иркутске. Там их, вместе с Кухаруком, определили в одну команду. Вместе ехали потом эшелоном до Читы и были распределены в танковую учебную часть. Кухарука заметили и там — направили учиться на командира танка, а Володю с Юркой зачислили в роту наводчиков орудия средних танков. Друзья попали даже в один взвод.

Зима с 1976-го на 1977 год выдалась суровой. Курсантам-наводчикам, да и будущим командирам железных машин, и механикам-водителям, постигавшим азы армейской жизни, пришлось несладко. Нужно было в холодном тренажёрном зале за восемь секунд по команде успеть оторвать люки Т-54 и уместиться на местах заряжающего, наводчика и командира. На трансмиссии танка стоял сержант с толстым прутом — коленом от танковой антенны — и подхлёстывал не успевших уложиться в срок.

Друзьям-новобранцам поначалу нередко доставалось по спине и по затылку. Доставалось и после неудачных стрельб. Зато ближе к весне они влетали в танк уже за шесть с половиной секунд и поражали цели отведённым для них количеством патронов.

По-разному складывалась служба земляков в учебной части. Володя в начале марта на вождении танка отморозил правую щёку, и она покрылась вначале волдырями, а потом коричневой коркой — коростой. В санчасти ему выдали какую-то мазь, а старшина определил горе-курсанта на трое суток дневальным по роте. В апреле Юрка отличился на полигоне в стрельбах из движущегося танка и был отмечен командованием полка.

Нередко на общих разводах и построениях они встречали хваставшегося своими успехами в боевой и политической подготовке Кухарука. Политподготовка Володе давалась гораздо легче боевой. Замполит роты восхищался его знанием

географии и рассказами о политическом строе в той или иной стране и ставил в пример остальным курсантам взвода.

К маю, когда появилась первая травка, молодых танкистов чаще стали выгонять на спортивные площадки, и вот там не слишком ловкий на турнике курсант Сапрунов показал себя хорошим футболистом. Впрочем, и земляк его, курсант Матзагиров, владел мячом неплохо.

После сдачи экзаменов, десятого мая, друзья в числе двадцати курсантов полка отправились из учебной части в дальний путь. Их путешествие по Забайкалью проходило на автомашинах, поездах, автобусах и даже на пароме. С пересадками добрались до города Сретенска, где их группа сильно поредела: тринадцать бывших курсантов остались там, а остальных через сутки повезли дальше — к советско-китайской границе, к реке Аргунь, в стрелковую часть, в состав которой входили танковый батальон, артдивизион и разведроты. Снова ехали теперь уже бывшие курсанты по дорогам Забайкальского военного округа автомашинами, переплывали паромом через реку Шилку. А до посёлка, на окраине которого стояла воинская часть, они добрались на рейсовом пассажирском автобусе. В пути и познакомились земляки с Травкиным, Зотченко, Мазуром, Ханкаевым, Камаем.

И вот полтора года в воинской части, среди сопков и редких пролесков, с короткими выездами на полигон, остались позади. Армейские переживания, стрельбы, наряды по роте и на кухню, в караул можно забыть навсегда. Впереди другая жизнь.

— Ну что, Санталов, командуйте, — приказал сопровождающему замполит полка. — Машина у ворот ждёт вас.

— Есть! — старший лейтенант поднёс правую руку к козырьку фуражки. — Группа, напр-ра-во! На КПП шаго-ом м-марш!

В последний раз каждый из них прошёл через проходную КПП, потрогал руками знакомую вертушку и вышел за пределы полка.

«Урал», крытый брезентовым тентом, уже ждал их.

Возле машины построились снова.

— Товарищи дембеля, — обратился к ним вышедший следом за ними из КПП краснопогонник в бушлате. —

Просьба занимать скамейки ближе к кабине и садиться плотнее друг к другу. Первую от борта скамейку желательно не занимать. Обдуть будет. И снежная пыль, и дорожная могут доставить неудобства. Я прикрою тент сзади, укреплю так, чтобы была вентиляция.

— Водила, что ли? — спросил Юрка земляка.

— Похоже, что нас повезёт, — предположил Володя.

— Эй, Сидор, — выкрикнули из строя. — Вешайся, пока не поздно. Тебе ещё служить и служить!

— Да полгода осталось. Зиму перекантуюсь и — как вы, в родные края! — отозвался с улыбкой водитель.

— Тоска тебе!

С водителем, видимо, общался кто-то из своих — авто-ротчиков.

— По двое загружайсь! — прервал разговоры и выкрики Санталов.

Дембеля, помогая друг другу, забрались в кузов «Урала».

Володя с Юркой оказались в середине. На одной скамейке с ними — Зотченко, Ханкаев, бывший письмоносец Кривцов и сержант из мотострелков. Травкин с Мазуром уселись на следующей скамье — ближе к кабине. Тент закрылся. Было слышно, как Санталов поторопил водителя, дверцы хлопнули, ожил мотор, и машина подалась вперёд!

— Поехали! — крикнул Юрка. — Прощай, Нерчинский завод!

— Прощай! — повторил за ним Кривцов.

— Прощай! — подхватили несколько голосов.

— Давай, водила! Вези прямо на ту сторону Байкала! — выкрикнул Володя, поддерживая земляка.

— Да-а-а-а-а-а-а-а-ай! — закричали спереди и сзади.

— А мне бы до этой стороны озера добраться! — высказался Травкин.

Володя знал, что Травкин жил в Бурятии, недалеко от Байкальского заповедника.

Восторг переполнял грудь Володи и, наверное, каждого, кто был в кузове машины. Поначалу все враз заговорило. Шутили и громко смеялись. Но через полчаса пути разговоры начали затихать, и некоторые даже задремали.

Примерно часа через два машина остановилась.

— Калга, видимо,— сказал кто-то, хорошо знавший географию этих мест.

— К машине! — последовала извне команда Санталова.

— Отбрасывайте тент! — крикнул им водитель Сидоров. Сидевшие ближе к выходу приподняли брезент.

На улице уже начинало смеркаться. Короткий ноябрьский световой день заканчивался.

— Полчаса времени на приём пищи и другие дела,— сказал Санталов прыгнувшим с машины солдатам и сержантам.— Вот кафе-столовая, за ней отхожее место. Через полчаса все стоят у машины. Кто опоздает — остаётся. Ждать не буду никого. Понятно!

— Так точно! — ответил за всех старший сержант Мазуров.

Уволенные в запас рванулись к деревянному одноэтажному зданию с высоким крыльцом. Вмиг пустовавший зал кафе-столовой наполнился движением. Шинели снимать не стали. Некоторые сразу заняли места за столами — на себя и сослуживцев, другие, оставив портфели и чемоданы на стульях, выстроились в очередь возле одинокого умывальника.

Юрка с Володей взяли по рассольнику и картошку-толчёнку с котлетой, компот. К их столу подсоединились Зотченко с Ханкаевым.

— Случайте, бойцы, там водка продаётся,— сказал Зотченко.— Может, возьмём бутылочку на четверых? По сто с лишним грамм на брата получится. Нормально, чтобы не замёрзнуть.

— А Санталов разрешит? — спросил Юрка.

— А кто его спрашивает? Вон краснопогонники уже затарились и распивают...— кивнул Зотченко на соседние столы.

— Давай? — глянул Юрка на друга.

— Давай,— кивнул тот.

— Я беру, а вы пока тут скидывайтесь, после отдадите,— сказал Зотченко, возвращаясь к кассе.

Санталов сидел один за столиком у самой стенки, недалеко от входа.

— Может, позовём? — предложил Юрка, глядя на Зотченко.

Зотченко кивнул и пошёл к столику старшего лейтенанта. Присел на свободный стул. Всем было видно, как сержант подошёл, обратился к старлею, а когда тот кивнул, подсел на

свободный стул и начал говорить. Санталов вначале слушал, потом посмотрел на него, повернулся к их столику, а потом, отодвинув тарелку с солянкой, поднялся и подошёл.

— Товарищ старший лейтенант, выпейте с нами сто граммов для сугрева,— встал ему навстречу Матзагир.

— Только по сто и не больше,— согласился Санталов.

Зотченко поднёс ему до половины налитый стакан.

— Ну, за вас. Чтобы вам всем хорошо жилось на гражданке! — произнёс короткий тост старлей и стоя выпил.

— Спасибо, спасибо, товарищ старший лейтенант! — заговорили все четверо.

Санталов кивнул и хотел было вернуться к своему столу, но буквально подлетевший к ним Мазуров предложил сопровождающему офицеру пройти к их с Травкиным столику.

Санталов замотал головой, давая понять, что больше не хочет, и пошёл назад, к своей остывающей солянке.

Но старший сержант Мазуров не растерялся и принял, на взгляд всех танкистов, очень правильное решение — отнёс полстакана водки к столику командира. Санталов молча принял подношение.

Дальше поехали снова весело. Взбодрённые и согретые солдаты и сержанты опять заговорили все враз, едва машина отошла от стоянки.

О чём они тогда говорили с Матзагиром и Зотченко, какие реплики вставлял Ханкаев, Володя уже не помнил. В памяти осталось построение перед посадкой в эшелон, при свете тусклых фонарей. Эшелон искали на запасных путях. Под командованием Санталова они примерно с полкилометра прошагали от вокзала до вагонов. Потом Санталов разыскал начальника эшелона, вручил их документы какому-то капитану и, лично за руку попрощавшись с каждым из солдат и сержантов своей части, пошёл обратно к вокзалу.

— Ну что, готовьте свои чемоданчики к досмотру! — скомандовал капитан, проведя переключку.— Поставить их перед собой и раскрыть!

Стоявший рядом с Володей в первой шеренге Юрка быстро юркнул во второй ряд.

Они стояли на неширокой платформе между путей, перед вагонами. Точнее, перед вагоном с номером девять.

Позади их вагонов не было, и как понял Володя, приятель, скорее всего, на ходу решил открыть свой объёмный чемодан и бросить портфель со шлемофонами под платформу.

Капитан светил фонариком и заглядывал в чемоданы и портфели. Смотрел он поверхностно, не наклоняясь и не сильно разглядывая дембельскую поклажу.

— У остальных примерно то же? — спросил он, когда обошёл первую шеренгу.

— Так точно! — выкрикнул из второго ряда Юрка Матзагиров.

— Автоматы, пулемёты, пистолеты Макарова, патроны, гранаты, взрывпакеты никто с собой на гражданку не прихватил?

— Никак нет! — раздался снова из второй шеренги голос Матзагира.

«Ну что он орёт? Сам к себе внимание привлекает...» — забеспокоился за приятеля Володя.

— Ладно, верю, — сказал капитан. — Поднимайте свои дембельские чемоданы — и шагом марш вперёд, к седьмому вагону. Заходим по одному и занимаем первые свободные места. Всем всё понятно?

— Так точно! — на этот раз ответил первым Володя, думая отвлечь на себя капитана и дать возможность другу принять новое решение.

Немного сбив строй, Володя перескочил во вторую шеренгу и нашёл Юрку. Тот не успел затолкать портфель со шлемофонами в чемодан и теперь держал в одной руке две ручки, прикрывая портфель снаружи чемоданом.

— Иди рядом и прикрывай! — сказал он Володе. — Там, в вагоне, уже всё уложу.

Капитан стоял у двери вагона и следил за посадкой.

Земляки в компании с бывшим письмоношцем подошли к вагону последними. Володя встал перед капитаном и подтянул ближе к себе Кривцова. Юрка остановился за их спинами.

— Фамилия? — спросил капитан, очевидно, сразу всех троих.

— Сержант Матзагиров! — выкрикнул Юрка.

— Есть такой, — сказал капитану находившийся рядом с ним и заглядывающий, очевидно, в список незнакомый им старший сержант.

— Проходи,— кивнул капитан.

— Рядовой Сапрунов! — не дожидаясь напоминания, выкрикнул Володя, едва приятель подошёл к двери вагона.

— Есть, проходи,— скомандовал ему старший сержант, делая отметку в списке.

Володя подтолкнул друга, поднимающегося вверх по ступенькам, и, едва не наступая ему на ноги, заскочил на подножку.

— Осторожнее, вы! Успеете! — сделал им вслед замечание капитан.— Не хватало ещё покалечиться и к маме с папой с переломами и ушибами приехать.

— Сапрунов, Матзагир, сюда! — услышали они, едва вошли в вагон.

Из другого конца, стоя в проходе, им кричал и махал Зотченко.

Юрка с Володей протиснулись по узкому проходу в конец вагона.

— Мы решили все вшестером тут обосноваться, в последнем плацкарте,— пояснил Зотченко.— Так как вы замыкающие, вам достались боковушки у дверей.

— Ну прямо один в один,— улыбнулся Юрка, очевидно, вспомнив день призыва и места, на которых они ехали в пассажирском вагоне.

— Да, от судьбы не уйти,— понял его Володя, присаживаясь за столик на боковушку у дверей.

Эшелон простоял всю ночь. Утром было видно в окна, что привезли ещё одну группу дембелей и определили их в соседние вагоны. Несколько раз по эшелону проходили офицеры, спрашивали, кто из какого подразделения прибыл на эшелон и кто куда следует.

— Ну, такими темпами мы и к понедельнику домой не доберёмся,— сказал Юрка всем танкистам, когда они сели то ли завтракать, то ли обедать часов в одиннадцать.

Открывали консервные банки и ели выданные им тушёнку и перловую кашу с мясом, запивая кипятком, подкрашенным рассыпной заваркой.

После полудня эшелон наконец дёрнулся с места, закрипел тормозами и медленно отправился в путь. Поезд то набирал ход, то полз тише черепахи. От нечего делать они весь день играли в карты.

К вечеру добрались до Читы, где снова стояли долго. Разведка донесла, что к эшелону подцепили, по одним данным, два, а по другим — ещё три вагона. Дальше поезд снова пошёл с переменной скоростью. Юрка с Володей попеременно забирались на верхнюю полку и пробовали читать прихваченную ими из части книгу колумбийского писателя Маркеса «Сто лет одиночества». Чтение шло медленно, как и движение состава. Мало что запоминалось. Матзагир дважды прошёлся по вагонам: в одну и другую сторону в надежде обменять значки. Но обмена не получилось. У всех уволенных в запас знаков оказалось с запасом.

Ранним утром в Улан-Удэ простились с Травкиным. Особо горячо прощался Мазур. Со слезами.

— Ты, Толик, только пиши мне, пиши обязательно, — даже не просил — умолял он. — И как только будет возможность, приезжай ко мне в Элисту или в Волгоград, где я буду учиться.

— Хорошо, Лёня, хорошо. Я обязательно напишу, обязательно приеду, — говорил ему Травкин.

Было видно, что он разрывается между печалью и радостью. Ему трудно прощаться с армейским другом, и в то же время он торопится быстрее сойти с поезда и во весь дух помчаться домой.

— Мне сейчас на автовокзал надо, на автобус, — объяснял сержант Толя Травкин. — Ещё почти двести километров пылить. Но вечером уже дома буду — сто процентов.

— А мы такими темпами к вечеру и до Иркутска не доедем... — вздохнул, когда проводили Травкина, Зотченко.

Он, к счастью для многих, оказался неправ. Поезд набрал обороты, миновал по краю заледеневший у берегов, но ещё бушующий Байкал и на всех парах помчался к Иркутску.

Примерно в районе Слюдянки раздалась команда:

— Тем, кто едет до Иркутска, получить документы в штабном вагоне!

— Давай и мы пойдём, — предложил Юрка Володе. — Сопровождающим сейчас всё до лампочки: чем меньше народу в эшелоне, тем им лучше.

Они пошли вместе с Зотченко и Ханкаевым в штабной вагон и на удивление, лишь назвав свои фамилии, сразу же получили документы.

— Сойдём в Иркутске, переночуем у моей тётки, — сказал Юрка, — там, где Катя твоя жила, когда училась здесь. Завтра с утра погуляем по городу, твоих навестим, а вечером на «Ангаре» домой поедем.

— Ну ладно... — не стал спорить с ним Володя.

— Братцы, просто не верится: ещё двое суток назад мы выезжали из своей части, а сегодня я дома. В чистой постельке, как белый человек, спать буду! — радовался Зотченко.

Остававшийся один в плацкарте Мазур снова проследил, прощаясь с сослуживцами.

— Ну что, закатим в ресторан? — предложил Зотченко, когда они вышли на перрон.

— Ресторан нам не по карману, — сказал Юрка. — Да и патруль ещё нас может прижучить, подвыпивших.

Володя понимал: земляк всё ещё переживает за шлемофоны, что лежат у него в чемодане.

— Да я угощаю. У меня деньги есть! — настаивал Зотченко. — А патруль что нам? У нас документы в порядке. Мы — уволенные в запас. Мы уже гражданские, Матзагир, Юрания, пойми это!

— Пока в форме — не гражданские, правда, Вовка? — попросил поддержки у приятеля Матзагир Юрания.

— Вообще-то да, — поддакнул Володя, но, наверное, всем было заметно, что сказал он это неуверенно.

Володе понравилась предложение Зотченко посидеть на прощание в ресторане. Это было одно, а второе — он вдруг с новой стороны открыл для себя Зотченко, который в батальоне числился в угодниках начальству, и поговаривали, что даже был стукачом.

— И Ханкаеву на автовокзал надо. Правда, Дамир? — искал ещё одного сторонника Юрка.

— Дамир у меня переночует, а завтра его на автовокзал отец на «Жигулях» отвезёт, — не сдавался Зотченко.

И вдруг он на ходу сменил тактику.

— Идея! Вы все оставайтесь сегодня у меня на ночлег. У нас трёхкомнатная квартира. Всем место найду! Не хотите в ресторан — поехали ко мне. Сейчас тачку поймаю.

Второе неожиданное предложение Зотченко показалось всем заманчивым, и друзья-земляки и Ханкаев капитулировали перед натиском неуступчивого сержанта.

А через десять минут белая «Волга» мчала танковый квартет по освещённым улицам города, через мост над Ангарой.

То, что Зотченко зовут Сергеем, друзья вспомнили, когда услышали это имя от родителей сержанта.

Отец, открывший им дверь, растерялся лишь на миг, быстро сообразил, что к чему, и, крикнув в квартиру:

— Серёга вернулся! — кинулся обнимать сына.

Из квартиры в коридор выскочили мать и сестра Зотченко и тоже бросились к сыну и брату.

— А это мои друзья, папа, познакомься! — представил сослуживцев счастливый сержант. — Два года, батя, на броне вместе, понимаешь?

— Ого! Целый экипаж! — воскликнул отец, пожимая гостям руки. — Да я как никто понимаю, сынок! Я же ведь, не забывай, тоже танкист! Ещё «тридцатьчетвёрки» застал. Служил на Украине. Меня Борис Семёнович зовут, а мать — Ольга Андреевна, сестра Сергея — Тоня.

После застолья с обильными едой и питьём Сергей лично расстелил Юрке и Володе на диване, Ханкаеву поставил раскладушку, а сам лёг рядом на полу, постелив себе шубу.

Володя уснул почти сразу, а когда проснулся, Ольга Андреевна с Тоней уже накрыли новый стол на кухне.

После того как умылись и позавтракали, Борис Семёнович, подогнал к дому «Жигули» и поехал сначала к автовокзалу, где высадили Дамира Ханкаева, а потом к вокзалу железнодорожному. Перед тем как выйти из «Жигулей», Зотченко-младший достал из бардачка машины начатую бутылку водки, колбасу, хлеб и, наливая по полстакана, заставил выпить Юрку с Володей.

— На прощание, друзья мои! Не забывайте. Приезжайте, всегда буду рад. Знаете же теперь, где я живу.

— Ну и ты нас, Серёга, не забывай, — сказал после выпитого Юрка. — Будешь в наших краях — дай весточку.

— Непременно! — согласился Сергей, обнимая через сиденье сразу двоих сослуживцев.

В воинской кассе вокзала им сказали, что нужно зайти в военную комендатуру на станции и взять разрешение на проездные документы.

— Объясните дежурному причину, почему сошли с эшелона, тогда он даст вам разрешение.

— А может, на свои денежки уедем, в кассе возьмём билеты? — предложил Юрка. — До Тайшетграда должно быть недорого в общем вагоне. В «Ангаре» сиденья мягкие. Отлично доедем.

— Да давай зайдём в комендатуру, — не согласился на этот раз с другом Володя. — Я скажу, что поступаю на подготовительное отделение университета. Поэтому и сошёл с эшелона.

— А я что скажу?

— Скажешь, что ты со мной.

В комендатуре ничего объяснять не пришлось. Едва они зашли к дежурному, тот сразу спросил:

— Со вчерашнего эшелона? Танкисты?

— Так точно!

— Куда надо ехать?

— В Тайшетград.

— Давайте документы.

Дежурный — старший лейтенант с эмблемами артиллериста — поставил штампики и сделал записи в их документах.

— Идите в воинскую кассу.

Они сознательно отказались от плацкарта и попросили кассиршу дать им места в вагон, «где кресла».

До отправления оставалось три часа, и друзья поняли, что не успеют посетить своих родных, а поэтому они только пробежались по ближайшим магазинам, купили хлеба, колбасы, конфет и вернулись на вокзал.

Неторопливый поезд «Ангара» шёл от Иркутска до Тайшетграда почти шестнадцать часов, зато прибывал ровно к восьми утра.

Автостанция находилась в старом здании вокзала и открывалась в девять часов.

— Я провожу тебя, а потом уже домой пойду, — сказал Володя Юрке.

— Ну хорошо,— согласился друг.— Пойдём тогда посидим на вокзале. Здесь отродясь патруля не было. Никто не помешает.

На вокзале народу было немного. Они зашли в зал ожидания и подсели к молоденькой девчужке в синей лёгкой курточке и синей же вязаной шапочке, с книгой в руках.

Девушка, казалось, не обратила внимания на солдат.

— Ну вот и наше время расставания приходит,— улыбнулся Юрка.

— Да уж...— подыграл ему Володя.— Целых шестьдесят километров нас будут разделять. Ты пиши — не забывай.

— Я звонить буду...— делая вид, что плачет, сказал Юрка.

Девушка оторвалась от чтения и посмотрела на них.

Володя заметил, что и глаза у неё были синие. Синие-пресиние зрачки, каких Володя сроду ни у кого не видел. Он обратил внимание на название книги. Синеглазка читала «Анатомию человека».

— Девушка, а вы — студентка? — спросил он её.

— Нет пока. Я в десятом классе учусь. Собираюсь поступать на следующий год в медицинское училище.

Володе показалось, что не слова, а живые звуки вылетают из уст девушки. До чего красивым был её голос! Он даже различал по цвету каждое сказанное ей слово. Зелёное, бордовое, жёлтое, синее, снова синее, ещё синее. Синих было больше.

— А как вас зовут? — не ожидая от себя такой смелости, снова задал вопрос Володя.

— А вы что, со мной познакомиться хотите?

Голос девушки немного изменился. Звуки потеряли цвет. Володя растерялся.

— Пойдём,— дёрнул за рукав его Юрка.— Вставай, а то и вправду ещё с ходу женишься.

Володя приподнялся, продолжая смотреть на девчужку. И его, и её вопрос так и остались без ответа.

— Ты что? Она же малолетка совсем! — сказал сердито Юрка, когда они вышли из зала ожидания.— Да и какая-то не от мира сего... Что, сам не видишь?

— Да я вижу... Я же просто... Так, заговорил с ней, и всё...— начал оправдываться Володя.

— Ну и ладно, пошли уже, пошли,— потянул его к выходу друг.— Пошли к автовокзалу.

\*\*\*

Евгений двумя руками держался за проволоку. Он лежал, прижав руки грудью, лицом уткнувшись в щёбёнку.

Неужели он снова терял сознание? Сколько времени он пролежал? Полчаса? Час? А может, две-три минуты всего? Столько событий и лиц пронеслось перед глазами за это время! И воинская часть, и «Урал» с дембелями, и кафе-столовая в Калге, и эшелон, и иркутский вокзал, и их ночёвка в квартире родителей Зотченко, и девчонка с синими глазами на тайшетградском вокзале, и отъезжающий на междугороднем автобусе Юрка Матзагир...

Но почему и зачем именно события тех последних армейских дней всплыли в памяти сейчас? Появились перед глазами так отчётливо, словно кто-то задокументировал их последние часы в воинской части, всю поездку домой и прибытие на родной вокзал. Снял на кинокамеру и прокрутил ему, лежащему сейчас на железнодорожном откосе, безлюдном и тёмном, это кино.

Дождь, так и не переросший в крупный и затяжной, стих совсем. Внизу поблёскивала мокрая трасса, сверху давила темень.

«А я же тогда, проводив друга на автобус, всё-таки вернулся на вокзал, чтобы ещё раз увидеть синеглазку...— вспомнил Евгений.— Но её уже не было в зале ожидания...»

Он вспомнил, что в поисках её выскочил на перрон, но её не было и там. От вокзала отходила в западном направлении электричка, и, видимо, она и увезла от него её, синеглазую, и знакомство их не состоялось...

«Всё, всё, всё! Хватит! — отмахнулся от воспоминаний Евгений.— Надо гнать от себя все эти видения! Надо ползти вверх! Сейчас надо только вперёд и вверх! Вверх, вверх, вверх! Там спасение!»

Продолжение следует